

Вчера утром, увидев беспристрастное отношение императора Янь-ди к Юн Шаню, Юн Шэн, который прятался за дверью вместе с братом от порывов холодного северо-западного ветра, сразу же понял, что произошло.

Когда Юн Ци попросил Юн Линя тайком доставить письмо в Холодный дворец, именно он, Юн Шэн, пресёк все сплетни, не позволяя ни одной живой душе узнать об этом.

Однако разве мог он ни с того ни с сего упустить из виду отношения потерявших лицо Юн Ци и Юн Шаня? Отчасти Юн Шэн был причастен к тем слухам, что дошли до ушей императора Янь-ди. Через мать, наложницу Цзинь, он протянул нитку, за которую можно было ухватиться, и намекнул отцу-императору про довольно странные отношения старших братьев.

Определённо тот яд, что впрыснула наложница Цзинь, донесся слухи, подействовал, и вчерашнее несомненно стало его результатом. Это и в самом деле забавно.

На первый взгляд хитроумный, Юн Шань на деле оказался идиотом. По-видимому, он совершенно не думал, что такая оплошность, которую нельзя совершать и которая была противна Небесам, навлечёт беду, что, в свою очередь, потянет его вниз. Кроме того, он забыл, что слишком высоко поднялся, и сейчас, возможно, уже нет необходимости задумываться над этим. Утратив расположение Огненного императора Янь-ди, слепец, что считает себя наследным принцем, смог прозреть.

Этот в прошлом крайне надменный второй старший брат подвергся в спальне неизвестно насколько суровому порицанию со стороны отца-императора, а гнев сына Неба наверняка подобен раскату грома. Иначе как могло так получиться, что Юн Шань разбил голову в кровь, да так, что пришлось даже забинтовать её таким огромным куском марли?

По слухам, вчера придворный лекарь Чэнь, этот старый упрямец, всё же пожалел его и помог ему перебинтовать рану. Однако отец-император приказал схватить родного сына с кровоточащим лбом и вытащить из покоев.

Какой наследный принц, искренне-почтительный к родителю, не жалея лба, кланялся, умоляя отца-императора позволить ему прислуживать? Вечная история о том, какие у любящих родителей почтительные дети? Чушь!

Юн Шэн смотрел на старшего брата, который был явно удручённее и печальнее, чем раньше. Он выглядел жалко.

Это зрелище поистине радовало сердце и глаз, настолько, что хотелось петь.

В своей голове Юн Шэн перебирал мысли, думая о том, что несчастный Юн Ци не только сам оказался свергнутым, так теперь ещё и впутывал других, обрекая на несчастную судьбу всех, кто был рядом. Глупый Юн Линь тоже только и может что навлекать беду на свою голову. Юн Шань, что считался умнее и способнее, к сожалению, переступил черту, которая перечеркнула

братские узы, сделав его отношения с Юн Ци более серьёзными! В сердце отца-императора, по всей вероятности, никого не осталось, а вся его затея пошла прахом.

Если Юн Шаня свергнут, то найдётся ли тот, кто займёт место наследного принца?

Загибая пальцы и перечисляя сыновей императора, Юн Шэн понял, единственный, кто остаётся, — это он сам.

Главный претендент на титул наследника престола.

В душе Юн Шэн ещё больше обрадовался. Испугавшись, что на его лице появится улыбка, юноша лишь вежливо отклонил приглашение отобедать с Юн Шанем. Больше не напоминая про дело Гун Ухуэя, Юн Шэн сказал пару слов наследному принцу в утешение и, поднявшись, решил откланяться. Но перед уходом весьма ласковым тоном произнёс:

— Рана на лбу старшего брата ещё не зажила, и ему, во всяком случае, нужно хорошенько позаботиться о своём здоровье. Не буду больше тревожить и сию же минуту удалюсь. К слову сказать, у матушки где-то есть отличное лекарство: если наследный принц не будет против, я по возвращении могу приказать слугам доставить это лекарство Вам. Старшему брату не стоит беспокоиться, наверняка из-за болезни у отца-императора плохие мысли, навряд ли старший брат сделал что-то, что могло его разозлить. Несколько дней назад министры говорили, что отец-император хочет, чтобы мы, младшие братья, учились быть такими же серьёзными, как старший брат. Поэтому старшему брату нужно успокоиться.

Учтиво обратившись к Юн Шаню и не позволив ему проводить себя, Юн Шэн вышел из комнатки и направился прочь из дворца наследного принца.

После того, как забрался в ожидающий за дверью закрытый паланкин, Юн Шэн почувствовал, что жар в его сердце стал обжигающе горячим. Юноша не мог стерпеть и, подождав, когда паланкин отдалится на приличное расстояние от дворца, поднял занавеску, приказывая слугам остановиться.

Юн Шэн отослал тех слуг, что несли паланкин, и подозвал следовавшего за ним доверенного слугу — Синь Фу. Юноша понизил голос и с особой осторожностью отдал приказ:

— Как можно скорее найди кого-то из дворцовых слуг деда и двух моих дядей. Сообщи им, что наследный принц потерял расположение императора. Нужно попросить их как можно скорее придумать что-нибудь, что поможет подлить ещё немного масла в огонь.

Синь Фу, получив приказ, быстро удалился его исполнять. Силуэт слуги растаял в белом снегопаде, а Юн Шэн, радостно и легко вздохнув, смерил взглядом засыпанный снегом императорский дворец.

Белые хлопья кружились в воздухе, мягко опускаясь на землю.

Императорский дворец, что виднелся вдалеке, со всех сторон был одет в пышный белоснежный наряд и выглядел таким красивым, будто изображён на картине.

Он был достоин благодатного снега.

Юноша стоял на заснеженной дороге и смеялся.

Хороший снег!

Этот нестихающий снегопад был поистине прекрасным знаком для него.

Проводив Юн Шэна, Юн Шань вернулся в комнату, чтобы увидеться с Юн Ци.

Юноша уже взял пиалу и с трудом осилил большую часть еды, лежащую в ней. Немного погодя Юн Ци задумался, как же съесть всё остальное. Вспомнив сказанные перед уходом фривольные слова Юн Шаня, юноша вновь почувствовал себя неловко, а в душе разлилась неопишуемая сладость. Юн Ци услышал сзади звук шагов и подумал, что, должно быть, вернулся Юн Шань, и, обернувшись, посмотрел на него:

— Ты встречался с Юн Шэном? Ох!

Его глаза вновь широко распахнулись, и юноша с изумлением поднялся на ноги:

— С твоим лбом опять что-то случилось?

Видя обеспокоенность старшего брата, Юн Шань почувствовал, как печаль и подавленность бесследно исчезают и покидают его разум. Он специально с безразличием проговорил:

— Пустяки, придворный лекарь велел не забывать про перевязки, иначе может остаться маленький шрам. Я только сейчас вспомнил об этом и сразу же позвал евнуха, чтобы он перебинтовал мне лоб.

— Евнуха? А почему не позвал придворного лекаря? Мазь накладывал на рану?

— Надоело. — И всё с тем же абсолютным безразличием юноша уселся на место: — Старший брат всё съел? Даже если нет аппетита, пустым желудок держать нельзя.

Юн Ци не сел рядом с ним. Стоя долгое время на ногах, юноша лишь пристально смотрел на младшего брата. Он хотел что-то сказать, но промолчал и, нахмутив брови, обеспокоенно

прошептал:

— Евнух — это ведь не придворный лекарь. Ты — наследный принц, разве можно так вредить своему же телу? На лице останется шрам, и это не шутки. Ты... На самом деле ты иногда ужасно напоминаешь Юн Линя.

Слушая шёпот старшего брата, наследный принц неосознанно принял его слова близко к сердцу. Они опьяняли, словно крепкое вино. Юн Шаню казалось, что он пьян, а всё сказанное Юн Ци — лишь один прекрасный сон.

Раньше даже в своих снах и когда тайком наблюдал за старшим братом, прячась в укромном месте, Юн Шань и подумать не мог о том, что когда-нибудь наступит этот день.

С нетерпением ожидая, когда же Юн Ци скажет ещё что-нибудь, Юн Шань хранил молчание. Но итог оказался не таким, каким он хотел. Неправильно поняв его молчание, Юн Ци подумал, что говорит всё зря. Казалось, что он столкнулся с закрытой дверью и сейчас выглядел в глазах Юн Шаня лишь скучным старшим братом.

Ощущая неловкость всем телом, Юн Ци смущённо проронил:

— Мне не следовало говорить такое, здесь только ты являешься хозяином. — Юноша повернулся с желанием отправиться к себе в спальню и вздремнуть.

Юн Шань спешно поднялся на ноги и крепко обнял Юн Ци, не дав ему уйти, и со смехом произнёс:

— Старший брат прав, я глубоко раскаиваюсь. Если бы из-за маленькой ранки я сразу же послал за придворным лекарем, да ещё в такой снегопад, то неизвестно какие сплетни это бы вызвало. Нынешний наследный принц очень сложный человек, и старшему брату это известно, как никому другому. Во всяком случае во дворце есть мазь от ран, я сам могу помазать лоб и вылечить его.

Повысив голос, Юн Шань позвал Чан Дэфу, приказав принести мазь.

Наследный принц не позволил Юн Ци уйти и потащил его на себя, заставляя сесть рядом.

Чан Дэфу с улыбкой вошёл в комнату, держа в руках лекарство, и льстиво проговорил:

— Руки других слуг более неуклюжие, чем у Вашего слуги. Ваш слуга лично позаботится о Вашем Высочестве и нанесёт мазь на рану.

Подойдя ближе, евнух осторожно помог Юн Шаню распустить повязку на голове.

Слуга уже давно ощущал на себе выразительный взгляд Юн Шаня и, зная, о чём думает юноша, Чан Дэфу во время перевязки специально притворился неуклюжим и резко дёрнул марлю в сторону, словно желая сорвать её с головы.

Юн Шань глухо простонал, его превосходные брови сошлись на переносице, а лицо исказилось болью.

Чан Дэфу спешно смутился и опустился на колени, непрерывно кланяясь:

— Ваш слуга заслуживает смерти! Руки Вашего слуги одеревенели от мороза, и своими грубыми руками Ваш слуга причинил боль Вашему Высочеству. Ваш слуга заслуживает смерти!

Наблюдавший со стороны Юн Ци, услышав неожиданный болезненный вздох Юн Шаня, которому словно внутренности вырвали, внезапно подскочил на месте и ощутил, как сердце заходится у него в груди.

Юноша также осознал, что выглядит забавно.

Прекрасно понимая и наблюдая, как кто-то другой перевязывает рану, юноша воспринимал боль Юн Шаня как свою.

И не слишком ли...

Юн Шань не обвинил и не наругал Чан Дэфу, лишь хмуро проронил:

— Встань, у тебя руки тоже слишком неуклюжие. Осторожнее, рана как раз немного затянулась, не нужно снова пускать мне кровь.

Чан Дэфу поднялся на ноги и уже было вновь собрался взяться за начатое, как Юн Ци, в конце концов не сдержавшись, открыл рот и сказал:

— Дай, я сам.

В глазах Юн Шаня внезапно промелькнули искорки света. Но боясь, что может спугнуть маленького зайчонка, который по своей инициативе потихоньку стал выбираться из норки, Юн Шань сдерживал радость и слабо проговорил:

— Не хочется утруждать старшего брата такой маленькой ранк...

Но договорить Юн Шаню не дали. Юн Ци, приблизившись и встав перед ним, опустил голову и,

найдя край бинта, с серьёзным видом стал развязывать белоснежную повязку.

Юн Шань чувствовал, как пальцы старшего брата с лёгкостью и ловкостью касались его лба. Перевязывая его, юноша был невообразимо близко, позволяя Юн Шаню незаметно любоваться этим величественным зрелищем. Изящное и утончённое лицо Юн Ци сейчас возвышалось над Юн Шанем. Смотри на него снизу вверх, юноша чувствовал разливающуюся сладость в душе и молча наслаждался такой близостью, что была для него непривычна.

Сейчас Юн Ци был как Мао Суй [1], и теперь у него не было шанса отступить. Юноша только и мог заметить горячий взгляд младшего брата. Убирая бинт в сторону, Юн Ци приказал Чан Дэфу принести тёплой воды и, как только слуга исчез за дверью, юноша опустил густые ресницы и спросил у Юн Шаня:

— Почему ты так смотришь? У меня что-то на лице?

— Старший брат очень красив.

— Юн Шань, не нужно говорить что попало.

— Старший брат, — внезапно и еле слышно позвал Юн Шань.

— М?

— А раньше старшему брату интересно было быть наследным принцем?

Лицо Юн Ци слегка помрачнело, а сам юноша, ненадолго задумавшись, покачал головой и ответил:

— Совершенно неинтересно. Место наследника престола усеяно множеством лезвий, и если они не проткнут тебя, то сможешь втиснуться между ними. Ты, в отличие от меня, умный и одарённый, возможно, ты к этому привыкнешь.

— Старший брат слишком бессовестный. На усеянном множеством лезвий месте не привык сидеть, а я, значит, должен привыкнуть? Ты прав, это неинтересно. Если быть наследником престола неинтересно, то и становиться императором не имеет смысла.

Юн Ци испугался и, понизив тон, проговорил:

— Юн Шань, и у стен есть уши, говори осторожнее.

После того, как в комнате воцарилось молчание, в тишине раздался звук шагов, который

становился всё ближе и ближе.

На пороге появился Чан Дэфу, держа в руках таз с водой:

— Ваше Высочество, Ваш слуга принёс тёплую воду.

Юн Шань приказал слуге поставить таз и выйти из комнаты, чтобы вновь остаться со старшим братом наедине.

Никто не проронил ни слова.

Юн Ци скрутил полотенце и осторожно помог Юн Шаню промыть рану. После, промокнув сухим полотенцем лоб, юноша раскрыл коробочку с мазью и, смочив кончик пальца, мягко и в то же время едва касаясь, помог Юн Шаню смазать рану.

Наследный принц поднял взгляд и посмотрел на Юн Ци. Наблюдая за ним долгое время, юноша шёпотом вновь позвал:

— Старший брат.

— М?

— Быть императором изнурительно, каждый день от зари до зари докладные записки и гарем. Пожалуй, старший брат — единственная радость в моей жизни.

Юн Ци на какое-то время обомлел, но, придя в себя, прошептал:

— Ты и впрямь научился нести вздор, мы же являемся брат...

Юн Шань взял запястье Юн Ци, когда тот помогал ему мазать рану, и, не отводя взгляда, вздорно проговорил:

— Таков мой характер. Всегда упрямый и не раскаивающийся даже на грани смерти. При таких обстоятельствах, если в сердце старшего брата нет места для меня, то и надеяться мне не на что.

Эти слова заставили сердце Юн Ци затрепетать, а сам юноша был настолько потрясён, что даже забыл отдёрнуть руку.

Стоящий Юн Ци и сидящий Юн Шань застыли, словно глиняные изваяния, глядя друг другу в глаза.

После долгого молчания с губ Юн Ци сорвался вздох. Юноша с трудом успокоился и, не отводя взгляда от младшего брата, спросил:

— Что ты имеешь в виду?

Устрашающий блеск, что до этого переполнял взгляд Юн Шаня, наконец-то исчез.

Ухмылка стёрлась с его лица, и юноша проронил, уйдя от ответа:

— От усталости я потерял рассудок, снегопад и впрямь усилился. Наставник Ван, должно быть, уже пришёл, старший брат, нам нужно идти на занятия.

Примечания:

[1] Мао Суй — персонаж из «Исторических записок» Сыма Цяня. Его имя олицетворяет людей, которые способны сами вызываться на трудные дела и сами себя рекомендовать.

<http://bllate.org/book/13372/1189586>